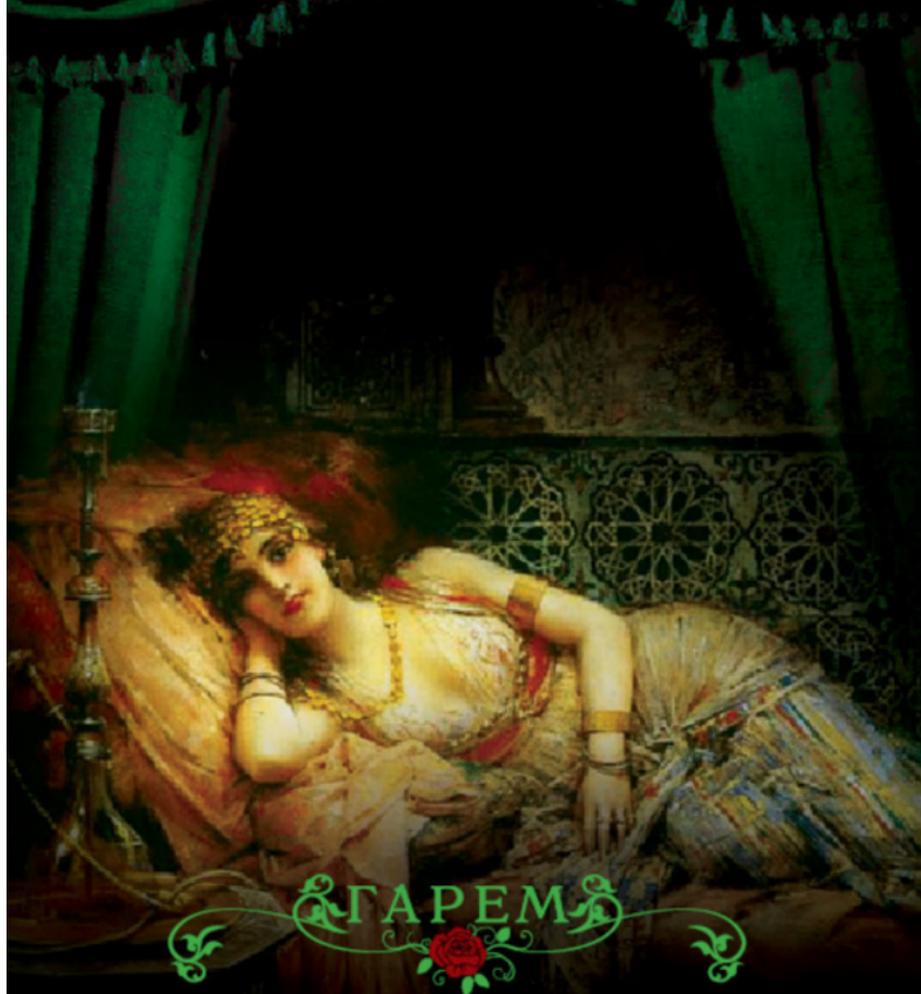

ШАПИ КАЗИЕВ

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК

ГАРЕМ

Шапи Магомедович Казиев
Великолепный век. Тайная
жизнь восточного гарема
Серия «Гарем (Алгоритм)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17683228

*Великолепный век. Тайная жизнь восточного гарема: Алгоритм;
Москва; 2013*

ISBN 978-5-4438-0371-5

Аннотация

О коварных нравах, царящих в гареме времен султана Сулеймана Великолепного и Роксоланы, мы все узнали благодаря самому знаменитому турецкому сериалу «Великолепный век». Но сериал не может удовлетворить все увеличивающееся любопытство в отношении этой загадочной темы, которая всегда, во все времена, вызывала особый интерес. Автор Шапи Казиев воссоздает экзотический мир гарема, устройство и иерархию этой «академии любви», раскрывает удивительные тайны, интриги, секреты гаремной магии и обольщения, рассказывает о том, как составлялись коллекции живых драгоценностей – из лучших красавиц мира, ставших невольницами в гареме султанов Востока. Эта уникальная книга – как будто продолжение того

«Великолепного века», который завоевал миллионы сердец по всему миру.

Содержание

Гаремы мира	6
«Дар-ус-саадет», или «Дом счастья»	8
Посетители	13
Устройство гарема	23
Убранства	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Шапи Казиев

**Великолепный век. Тайная
жизнь восточного гарема**

© Казиев Ш., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

Гаремы мира

Гарем... На свете не так много слов, которые могли бы соперничать с этим, таким невыносимо притягательным и невыразимо таинственным. Каждый найдет в нем свои потаенные желания, угасающее родство с первородными инстинктами или ностальгию о тех временах, когда красота имела достойную цену и утонченных ценителей.

Гарем (харам) – слово арабское, обозначает оно все, что запрещено, а также сокрыто и защищено, тайно и недоступно для посторонних. Когда имеется в виду восточный дом прошлых веков, то харам – это та его часть, где жили женщины – матери, жены, малолетние дети, наложницы, рабыни, а также и евнухи.

Европейский синоним гарема – французское слово «сераль», происходящее от схожих по звучанию персидского и турецкого слов (*serai, saray*), обозначающих большой дом или дворец. В представлении европейцев сераль – это внутренние покои восточных владык и их семей.

Сегодня многие полагают, что гарем – это что-то вроде публичного дома на азиатский манер, хотя разница здесь примерно такая же, как между метро для всех и роскошным лимузином для избранных.

В том или ином виде гаремы существовали везде, во все времена и задолго до ислама, как явление, не противореча-

ще природе и находящее в окружающем мире наглядные аналогии.

«Дар-ус-саадет», или «Дом счастья»

Гарем представлял собой нечто вроде драгоценного тюрбана, возвышавшегося над государством. Он имел мало общего с обществом и народом за стенами сераля, хотя зависел от него во всем, но отражал социальную систему как в кривом зеркале, где не самое главное приобретает гипертрофированно увеличенный вид. Султана окружал земной рай, а красота его жен заставляла содрогаться от мысли, какими же должны быть райские гурии, если такие прелестные девы могли существовать на земле, являя собой лишь бледное отражение красоты иного порядка.

И если простой смертный мог бы нарисовать в своих мечтах «Дом счастья», то им бы оказался именно гарем падишаха.

«Полуденная тишина царила вокруг таинственного дворца, где за решетками окон томилось и скучало столько прелестных созданий, – писал Т. Готье. – И я невольно подумал о сокровищах красоты, навеки утраченных для людских глаз, обо всех этих изумительных женских типажах – гречанках, черкешенках, грузинках, индианках, африканках, которые угаснут здесь, не увековеченные ни в мраморе, ни на полотне для восхищения будущих веков, о Венерах, которые

никогда не найдут своего Праксителя, Виолантах, лишенных Тициана, Форнаринах, которых не увидит Рафаэль.

Какой же счастливый билет в земной лотерее – жизнь падишаха! Что такое Дон Жуан и его mille e tre по сравнению с султаном? Второразрядный искатель приключений, обманутый обманщик, чьи скудные желания – капризы нищего – исчерпываются горсткой возлюбленных, только и ждущих, чтобы их соблазнили, в большинстве своем уже соблазненных другими, имевших любовников и мужей, – их лица, руки, плечи, доступны взглядам каждого, фаты в танцежимают им пальчики, уши их давно привыкли к нашептыванию пошлых комплиментов. Что за жалкая участь – шататься при луне под балконами с гитарой за спиной и томиться ожиданием в обществе полусонного Лепорелло!

А султан?! Он срывает лишь самые чистые лилии, самые безупречные розы в саду красоты, останавливает взор лишь на совершеннейших формах, не запятнанных взглядом ни единого смертного, на дивных цветках, чья жизнь от колыбели до могилы течет под охраной бесполох чудовищ, среди сверкающего одиночества роскошных покоев, куда не дерзнет проникнуть ни один смельчак, в строжайшей тайне, непроницаемой даже для самых смутных желаний».

Гарем был символом могущества владыки, порой более красноречивым, чем армия или флот. Численность и великолепие гарема внушали уважение не только к государству, но и к его правителю. По тому, как пополнялся гарем, ка-

кие немислимые суммы платили агенты двора за редких красавиц на невольничьих аукционах, судили о тонкости вкуса и мужской силе будущего обладателя этих гурий.

Поначалу в турецких гаремах содержали только рабынь, а в жены брали дочерей христианских владетелей из соседних стран. Эта традиция изменилась после Баязида II (1481–1512), когда жен султаны стали избирать из обитательниц гарема.

«Сегодня лишь немногие паши, следуя традиции или прихоти, позволяют себе варварскую и сладостную роскошь иметь гарем, – писал Д. Дорис. – Само собой разумеется, первым среди этих привилегированных особ является Повелитель правоверных – счастливый обладатель живой коллекции самых драгоценных образчиков восточной красоты».

Гаремное соперничество владык порой затмевало военное, а в отдельных случаях провоцировало и сами войны. Неудивительно, что разорение захваченных дворцов начиналось с ревизии гаремов, если их не удавалось заблаговременно перевести в безопасное место.

Временами стремительно разраставшиеся гаремы становились «государством в государстве», оказывая решающее влияние на государственную политику. На их содержание уходила весомая доля бюджета страны. Случалось, что гаремы разоряли своих обладателей и приводили к гибели целые державы.

О проблемах, связанных с содержанием гарема, говорит-

ся и в «Тысяче и одной ночи»: «Когда же настала девятьсот тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что число вельмож, которые мылись с Царем в этот день, было четыреста душ. А количество того, что они дали из динаров, оказалось сорок тысяч, и невольников – четыреста, и рабов – четыреста, и невольниц – четыреста (достаточно с тебя такого дара!), а царь дал Абу-Сиру десять тысяч динаров, десять невольников, десять невольниц и десять рабов.

И Абу-Сир выступил вперед, и поцеловал перед царем землю, и сказал: «О счастливый царь, обладатель здравого суждения! Какое место вместит меня с этими невольниками, невольницами и рабами?» И царь молвил: «Я приказал это своим вельможам только для того, чтобы мы собрали тебе большое количество денег. Ты ведь, может быть, вспомнишь свою страну и семью и соскучишься по ней и захочешь поехать на родину, и окажется, что ты взял из нашей страны основательное количество денег, которое поможет тебе жить в твоей стране». – «О царь времени, да возвеличит тебя Аллах! – сказал Абу-Сир. – Эти многочисленные невольники, невольницы и рабы – по сану царям, и если бы ты велел дать мне наличные деньги, они были бы лучше, чем это войско, потому что люди едят и пьют и одеваются, и сколько бы мне ни досталось денег, их не хватит на содержание этих рабов».

Редким владыкам удавалось распоряжаться гаремом в соответствии с его предназначением. На то он и гарем, чтобы

лишать рассудка своего хозяина. Но когда на престол восходил избранник строгих правил, гарем становился официальным государственным учреждением со строгими правилами и неукоснительной дисциплиной, как в образцовом монастыре.

Когда в 1861 г. расточительного и любвеобильного султана Абдул-Меджида сменил Абдул-Азиз, перемены произошли не только в государстве, но и в гареме. Новый султан пообещал ограничиться одной женой, а блистательный гарем прежнего султана переместил из султанского дворца в Старый гарем.

Народ принял это как добрый знак, предвещавший избавление от безумств и непомерного влияния прежнего гарема на все и вся.

Позже султан все же взял себе еще двух жен, но на относительную скромность его жизни это заметно не повлияло. Прогулки на новомодных теплоходах привлекали его больше, чем гаремные страсти.

Посетители

Главным, а зачастую и единственным посетителем гарема был муж, хозяин дома.

«Приход мужа – настоящая церемония, как и визиты близких родственников, – писал Т. Готье. – И поскольку муж никогда не разделяет трапезу со своими женами, то единственное его времяпровождение – с важным видом курить наргиле и пить кофе или шербет. По обычаю, муж заранее сообщает о своем приходе. Правда, если он видит, что у дверей гарема стоят чьи-то туфли, он ни за что туда не пойдет, поскольку это означает, что его жена или жены принимают своих подруг, а подруги часто остаются на день или два».

Ислам не предписывает разделение дома на «мужскую» и «женскую» половины. Это скорее дань незапамятным традициям, сохранившимся до наших дней.

Кто-то увидит в этом некую дискриминацию, но разве найдется в мире женщина, которая отказалась бы от собственных покоев, где она может уединиться, отдохнуть или посудачить со своими подругами, что не всегда уместно в присутствии даже любимого супруга, свекрови или детей?

А. Пушкин в «Бахчисарайском фонтане» писал:

Какая нега в их домах,

В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны
Все полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!
...Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и хладной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.

Впрочем, жена великого визиря Кипризли-Мехмет-Паши Мелек-Ханум в своей автобиографической книге «Тридцать лет в турецких гаремах» смотрела на этот вопрос несколько иначе: «У мужчин свои интересы, обычаи и мысли, – писала Мелек-Ханум. – Между тем как с другой стороны, у женщин свои, исключительно им принадлежащие. Лица, по-видимому представляющие членов одной и той же семьи, в действительности не имеют между собой ничего общего, – ни комнат, ни собственности, ни одежды, ни друзей, ни даже общих часов отдыха. Селамлик и гарем представляют собой два совершенно отдельных мира, находящихся рядом, где в каждом из них живут по своему, мужчины с одной стороны,

женщины с другой. Власть главы семейства, если он только в состоянии иметь таковую, представляет собой единственную связь между двумя половинами одного и того же хозяйства. Эта система отделения, на которой основана вся мусульманская семейная жизнь, управляемая лишь преобладающим законом личного интереса, представляет собой такую странную черту, которая не может избежать внимания тщательного наблюдателя. Делается ясным, что степень отделения, существующая в турецких хозяйствах между мужчиной и женщиной, может быть измерена большим или меньшим достатком, в каком живет семейство. Бедный мусульманин, имеющий одну или две комнаты для себя и своего семейства, должен соблюдать экономию, а на этом основании, он, как хороший отец семейства, ест, пьет и спит вместе с женой и детьми. Человек же среднего сословия, более обеспеченный, устраивает свой дом более правоверным образом и там уже замечается более резкая демаркационная линия между ним и его гаремом. Две или три комнаты совершенно отделены от остальной части дома и образуют селамлик и приемную, остальная часть дома – гарем, заповедное место.

Если мы теперь перейдем к богатым, – например к трехбунчужному паше, или к министру с портфелем, мы находим, что его дворец устроен на большую ногу и отделение мужчин от женщин более полно. Селамлик такого аристократа занимает целое отдельное здание, а гарем имеет размеры огромного дворца, с железными дверями, окнами с ре-

шешками и с садом, окруженным высокой стеной. Мужчины и женщины, запертые в эти два отдельные помещения, совершенно изолированы друг от друга и не имеют между собой других сношений, как лишь при помощи евнухов, или же женской христианской прислуги, находящейся при гареме. Паша, его сыновья и близкие родственники, которые одни имеют право свободного доступа в гарем, могут туда входить, так сказать, через моег, окруженный железными решетками, – нечто в роде тайного прохода, через который они идут в сопровождении евнуха.

Такое полнейшее отделение гарема от селамлика как нельзя лучше удовлетворяет гордости и чванству константинопольских аристократов. Чем выше делается их положение, тем смешнее они делаютса сами, принимая совсем ненужные предосторожности и вводя курьезные формальности, с целью возвышения своих жен, оберегая их от глаз низших классов. Естественное последствие такого отделения этих двух помещений есть появление двух совершенно различных порядков жизни. Женщины со своей стороны имеют свои частные дела, свое собственное домашнее хозяйство и свои собственные интриги; они принимают своих друзей, имеют свои приемные дни и забавляются по своему. В селамлике, паши с друзьями и прислужгой делают то же самое, и проводят время, принимая посетителей и гостей, интригуя и сплетничая, или же сидят как куклы, для того, чтобы на них дивились их паразиты и льстецы.

Если с одной стороны, мужчины расточительны и не щадят своих средств, то с другой стороны женщины поступают точно так же. Усилия, делаемые с обеих сторон для того, чтобы взять верх и превзойти друг друга в великолепии, в результате дают ничто вроде соревнования между обоими элементами. Хозяин дома, – паша или эфенди, – кто бы он ни был, обыкновенно играет роль примирителя между различными членами сераля; но это участие, оказываемое более лишь для виду, чем с действительным желанием примирения, вообще сводится к двум пунктам – иметь возможность вполне пользоваться гаремом, и удержать также блеск селамлика. Если паша достигает своей цели и доставляет полное удовольствие гарему, удовлетворяя себя на мужской половине светскими удовольствиями, он на все остальное не обращает уже внимания и закрывает глаза как на воровство, производимое прислугой, так и на проделки и лишние расходы своих жен. Паши, заботясь лишь об удовольствиях и наградах, заведование домом своим отдают обыкновенно в руки управляющего, который при этом хлопочет только о своих собственных выгодах, но нисколько не о выгодах хозяина, а потому часто вводит последнего по горло в долги. Паши знают это, но все же предпочитают лучше наживаться посредством выгодных мест на государственной службе, чем отуманивать себе голову разбором мелких мошенничеств, производимых их управляющими и прислугой. Таким образом, является нечто в роли безмолвного соглаше-

ния между господином и его слугой; каждый из них ворует по мере возможности, один – оптом, другой – по мелочам.

Паша, раз освободившись от забот относительно своих частных дел, делается у себя в доме уже более гостем, чем хозяином. День он обыкновенно проводит на службе, где рассуждает с товарищами о политических и общественных делах, разъезжает с визитами по городу, посещает своих друзей и сторонников, расставляет сети для будущих политических интриг. К вечеру, часов около 5–6, его превосходительство в сопровождении своих адъютантов и свиты совершает торжественный въезд в свой дворец. Дойдя до лестницы, он не входит в селамлик, но, чтобы не терять времени, прямо направляется к большой двери, ведущей в гарем. Дежурный евнух, стоящий при дверях, отворяет их с требуемым церемониалом и вводит пашу в обитель блаженства. В приемной встречает его жена, или заведующая гаремом, и ей принадлежит честь вести пашу во внутренние комнаты».

Кроме повелителя, посещать гарем могли знатные дамы и родственницы обитательниц сераля, перед которыми жены могли не закрывать лица чадрой.

«Дамы министров и придворных довольно часто посещают султанский гарем, – писал Д. Дорис. – Их визиты не обставлены никакими протокольными правилами и сложными формальностями. Церемониальный наряд, однако, отличается строгостью: девицы – в белом, дамы – в черном платье, длинные манто, береты цвета ферадже с бриллиантовыми

эгретами, в волосах – украшения, и, непременно, – открытое лицо: ибо халиф единственный среди мусульман, кто имеет право видеть лицо у женщин без яшмака – этой обязательной вуали, (сегодня уже прозрачной), которая загадочно туманит черты, утепляет в идеальной белизне свежесть красок лица и заставляет сверкать волшебным блеском прекрасные черные глаза».

Иногда в гарем допускались прибывшие с визитами царственные особы мужского пола из дружественных государств, но только мусульмане. Таким образом демонстрировались могущество государя и его особая милость. Но и эти редкие посещения происходили со всей деликатностью и в жестких церемониальных рамках.

Вот как описывает посещение дома паши (турецкого сановника) Т. Готье: «Хозяин принял нас в просто убранной комнате с серым деревянным потолком в голубоватых узорах, вся меблировка которой состояла из двух расположенных друг против друга шкафов, циновки из манильской соломки и дивана, покрытого пестрой тканью; в углу дивана сидел паша, перебирая в руках четки сандалового дерева.

Угол дивана – почетное место, которое хозяин дома никогда не покидает, за исключением случаев, когда ему наносит визит лицо более высокого звания, чем он сам.

Пусть простота обстановки вас не удивляет. Селамлик – это, в каком-то смысле, покои наружные, отведенные под внешнюю жизнь, нечто вроде прихожей, дальше кото-

рой чужих не пускают. Вся роскошь предназначена для гарема. Вот где расстилаются ковры из Исфагана и Смирны, манят негой парчовые подушки и мягкие, покрытые шелками диваны, сверкают столики, инкрустированные перламутром, дымятся золотые и серебряные филигранные курильницы для благовоний. Здесь мерцают венецианские зеркала, стоят редкие цветы в китайских вазах и вызванивают причудливые мелодии часы с музыкой, здесь потолок оплетают замысловатые арабески, нависают сталактиты из мраморского мрамора и журчат в белых раковинах струйки ароматной воды. В этом таинственном убежище проходит подлинная жизнь турок, жизнь наслаждения и семейной близости, сюда никогда не приглашают ни родственников, ни ближайших друзей».

В исключительных случаях в гарем могли быть приглашены врачи, учителя, торговцы драгоценностями и те, кто допущался по прихоти владыки гарема.

Именно такое чудесное событие произошло с героем сказки «Халиф на час». Веселый султан решил дать ему немного повластвовать, устроив так, что опьяневший бедняга заснул в своей постели, а проснулся в опочивальне халифа.

«И Абу-ль-Хасан стал озираться направо и налево, глядя на самого себя, и всматривался во все эти вещи, крутя головой и хохоча, и затем он посадил возле себя нескольких невольниц, а другие стояли, держа в руках золотые опахала. Он посмотрел на невольниц, которых посадил с собой рядом,

и увидел, что ни одна ничего не ест, и принялся их угощать, а некоторых даже кормил своей рукой. Потом он стал спрашивать невольниц, как их зовут, и одна отвечала: «Мое имя Даурат аль-Камар», – а другая сказала: «Меня зовут Шамсан-Нахар», – а третья ответила: «Суккария», – а еще одна. «Малихат аль-Кадд», – другая: «Будур», – и третья: «Насимас-Саба». И халиф все больше веселился и смеялся, видя, как Абу-ль-Хасан разглядывает невольниц и выспрашивает, как их зовут.

Когда же невольницы увидели, что Абу-ль-Хасан кончил есть и насытился, они крикнули главному евнуху: «Эй, ага, повелитель правоверных покончил с едой!» – и главный евнух подошел, и взял Абу-ль-Хасана за руку, и поднял его, и посадил на скамью. Он принес таз и кувшин и вымыл Абу-ль-Хасану руки, и одна рабыня держала для него кувшин, а другая несла полотенце, а третья – курильницу с алоэ и амброй. И когда Абу-ль-Хасан вымыл руки, он поднялся, и главный евнух пошел впереди него, вместе с невольницами и рабынями. Его привели в другую комнату, не в ту, где он был прежде, и когда Абу-ль-Хасан вошел туда, у него помутилось в голове – такая это была красивая комната: разубранная, расписанная по стенам узорами и устланная роскошными коврами. И там он нашел множество невольниц, еще красивей, чем те, которых он уже видел, и каждая держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент, и когда Абу-ль-Хасан вошел к ним, все невольницы встали и разом пусти-

лись петь на один напев, ударяя по струнам, а любая из них своей красотой и прелестью могла превратить богомольца в безбожника. И Абу-ль-Хасан посмотрел и увидел, что столик уже поставлен и на нем плоды всех сортов и прозрачное вино, и кубки и чаши выстроились рядами и яства лежат в золотой посуде, украшенной драгоценными камнями».

Как бы фантастична ни была эта история, но она, тем не менее, содержит много реалий, относящихся к жизни султанов и его окружения.

Устройство гарема

Поначалу гаремы существовали отдельно от дворцов правителей. После взятия турками Константинополя в 1453 г., султан Мехмед II переустроил его на собственный вкус. Одна из главных достопримечательностей современного Стамбула – гигантский дворец (сераль) Топкапы был возведен в 1470-х годах. Со временем сюда перекочевал и султанский гарем, расцветший при Сулеймане Великолепном. Возможно, это произошло не без влияния знаменитой Роксоланы, речь о которой пойдет позже. Во всяком случае, это переселение принесло обитательницам гарема новый статус и большие возможности влиять на султана и дела в государстве.

Лучшая часть дворца отводилась для гарема. В остальных частях принимали гостей, устраивались дипломатические приемы, парады и прочие церемонии.

Современник оставил нам соответствующие разъяснения: «Сераль – значит дворец: это имя дается резиденции государя, а также и резиденциям губернаторов, управляющих провинциями от имени султана. Под словом *сераль* разумеется совокупность дворцовых построек, обитаемых как женщинами, так и мужчинами. Наиболее распространенная часть этих построек предоставляется женщинам и называется гаремом. В другой части сераля помещаются мужчины и совершаются парадные приемы; отсюда происходит слово *се-*

ламбик, что значит место церемоний. Впрочем, слово *селам-бик* во дворце заменено более громким, хотя и выражающим то же понятие, именем императорского мобейна.

Сераль, в котором обыкновенно живет султан, представляет громадное мраморное здание, раза в четыре превосходящее размерами петербургский Зимний дворец. Три четверти всей этой массы построек составляют гарем, тогда как мобейн, относительно говоря, является только пристройкой к прочему зданию.

Между мобейном и гаремом находится громадная зала, с особыми лестницами, подъездами и своей почетной дверью, назначенная для официальных приемов иностранных монархов, посланников, министров и пр.

Независимо от этого главного корпуса существует еще множество пристроек к сералю, обширных зданий, служащих конюшнями, кухнями, складами, казармами и пр. Все эти здания составляют как бы маленький город, тянувшийся вдоль Босфора на протяжении приблизительно двух километров».

Гарем состоял из нескольких тысяч помещений различного назначения, из которых сохранилось лишь около трехсот, которые сегодня показывают туристам.

Гаремный комплекс многое перенял от устройства «женских домов» во дворцах византийских императоров, он постоянно расширялся и перестраивался, особенно после пожаров и землетрясений. А также обзаводился «филиала-

ми» – виллами на Босфоре и в других чудесных уголках природы.

Главной задачей архитекторов и прочих устроителей «Дома счастья» было создание возможных, а порой и невозможных по обычным понятиям, удобств, красоты и особой атмосферы, способствующих наслаждению жизнью и стимулирующих обитательниц полнее отдаваться радостями любви.

Этот великолепный мир, куда избранные попадали через «Въездные ворота гарема», включал роскошно убранные покои жен и их детей, пышные апартаменты матери-султанши, альковы наложниц, школу принцев, жилища евнухов и слуг, комнаты для отдыха и развлечений, бани, сады, пруды с экзотическими рыбками и бассейны, фонтаны, зверинцы, театр, лечебницы и много другое.

Надежно охраняемый дворец султана включал также несколько мечетей и множество других помещений: кухни, казармы, конюшни, бани, кладовые, лечебницы и т. д.

Планировку помещений гарема описывал и Т. Готье: «Комнаты располагаются анфиладой или выходят в широкий коридор...

Апартаменты каждой из жен имеют единственную дверь, открывающуюся в просторный проход, как двери келий – в галерею монастыря. В обоих концах коридора стоят на страже евнухи или бостанджи».

Гаремы снабжались продуктами, выращенными на особых охраняемых землях, в запретных садах. Рыбу разводили

в специальных водоемах. Этим занимались целые подразделения рабов.

Торговые агенты двора привозили со всего света лучшее, что могли отыскать, включая драгоценности, ткани и украшения, изысканную парфюмерию и последние европейские новинки в сфере женских пристрастий.

В комментариях Б. Рифтина к историческому роману «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» описывается устройство гарема богатого китайца:

«Усадьба, подобная той, которой владел Симынь Цин в уездном городе Цинхэ, всегда имела одно центральное строение, перегораживающее весь замкнутый стенами прямоугольник как бы поперек. Оно строилось так, чтобы быть обращенным на юг, в сторону благих веяний. В нашем случае это покои старшей жены Симынь Цина – У Юэ-нян. По бокам двора перед этим строением расположены восточный флигель – покои второй жены хозяина, Ли Цзяо-эр, и западный, где живет третья жена – Мын Юй-лоу (восток, где восходит солнце, по старинным китайским представлениям, почетнее, чем запад, где оно заходит).

Так в расположении покоев жен Симынь Цина выражается традиционная иерархия семейных отношений. Жилые отсеки усадьбы разделены сложной системой стен с различными боковыми проходами и своеобразными «проходными залами», которые в таких домах, и у Симынь Цина тоже, обычно выполняли роль своеобразных гостиных. Именно такая

«проходная» зала замыкала в усадьбе Симынь Цина с юга дворик, в котором жили первые три жены героя.

Позади покоев старшей из них, Юэ-нян, находился еще один небольшой дворик, в который выходили кухня и покои четвертой жены хозяина Сун Сюэ-э, ведавшей приготовлением всех изысканных блюд, которые подавались в доме Симынь Цина.

Перед «проходной» залой в больших резиденциях (а таковой и была усадьба Симынь Цина) располагался еще один дворик с флигелями, опять-таки с востока и с запада. В восточном флигеле здесь жила дочь его со своим мужем...

У наружной стены, выходящей непосредственно на улицу, находились в доме Симынь Цина две двухэтажные постройки, в которых жили две самые младшие по рангу жены Симынь Цина: пятая госпожа – Пань Цзинь-лянь и шестая – Ли Пин-эр. Они жили в наибольшем удалении от покоев старшей жены хозяина».

Убранства

«Любовь султана к его женам, а их было весьма большое число, была разорительна для страны, – писала Мелек-Ханум. – Они действовали так, что все их прихоти, какого бы рода они ни были, удовлетворялись. Они содействовали друг другу в вымогательстве у него себе самых ценных подарков. Залитые бриллиантами, в сопровождении многочисленных рабынь, почти так же богато одетых, как и госпожи их, жены султана выезжали в каретах, из которых каждая со всеми принадлежностями стоила около 900 000 пиастров». Убранство их покоев постоянно возобновлялось новыми украшениями. В течение двух лет сераль четыре раза возобновлялся сверху до низу».

Ж. Нерваль описал покои египетской принцессы (сестры султана) несколько иначе: «Ситт аль-Мульк (первая дама государства) полулежала на подушках в алькове одной из дальних комнат; убранство этой комнаты ослепляло своим великолепием. Свод, выполненный в виде небольших куполов, напоминал пчелиные соты или грот со сталактитами из-за вычурно-сложного орнамента, где перемежались ярко-красные, зеленые, голубые и золотистые тона. Стены на высоту человеческого роста были выложены изумительными мозаичными плитками из стекла; сердцевидные арки грациозно опирались на пышные капители в форме тюрбанов, а те,

в свою очередь, покоились на мраморных колоннах. Вдоль карнизов дверей и окон шли надписи карматским шрифтом, изящные буквы которого перемежались с цветами, листьями и завитками арабесок. В центре комнаты бил фонтан, струи кристально чистой воды поднимались до самого свода и падали в круглый бассейн с серебряным звоном, рассыпаясь на тысячи брызг».

Описания гаремных покоев оставили и иностранные дамы, которым выпала удача посетить эти запретные для большинства палаты. Один из таких рассказов приводит Д. Дорис: «В апартаментах принцесс имеются разного рода салоны для собраний, и я имела возможность достаточно подробно осмотреть их обстановку во время моего посещения. Это было летом: белое полотно полностью закрывало начищенный дубовый паркет. Тут и там стояли софы, накрытые красным и желтым сатином, отороченным золотой бахромой; кресла и диванчики окружали полированный стол, инкрустированный слоновой костью. Восточная мебель соседствовала с тумбой эпохи Людовика XV. Стены были увешаны картинами (в основном пейзажами), обрамленными турецкими надписями, сделанными золотыми буквами по черному бархату. Расписной потолок изображал виды Босфора. Вход был замаскирован роскошной портьерой, на розовом фоне которой выделялась султанская тугра (монограмма Султана)».

Т. Готье посчастливилось увидеть апартаменты первой да-

мы двора – матери султана: «Покои султанши валиде – высокие комнаты с видом на Босфор, – замечательны своими потолками с фресковыми росписями несравненной свежести и изящества. . . . То это бирюзовые небеса поразительной голубизны, покрытые легкими облаками, то огромные покрывала из кружев восхитительного рисунка, то большая перламутровая раковина, отливающая всеми оттенками спектра, или прекрасные цветы, оплетающие золотую решетку. Иногда мотивом служит шкатулка с драгоценностями, рассыпанными в блистающем беспорядке, иногда ожерелье, с которого, точно капли дождя, падают жемчужины, иногда россыпи бриллиантов, сапфиров и рубинов. Вот плафон, как бы затянутый голубоватым дымом, поднимающимся от золотых курильниц с благовониями, изображенных на карнизах. . . . Рядом златотканый парчовый занавес, собранный подхватом из карбункулов, приоткрывает простор синевы, чуть дальше мерцает сапфирными отсветами лазурный грот. Нескончаемые переплетения арабесок, резные кессоны, золотые розетки, букеты цветов, фантастических и натуральных, голубые лилии Ирана и розы Шираза разнообразят темы, из которых я назвал лишь основные, не желая вдаваться в подробности, – их легко восполнит воображение читателя».

А вот описание приемных покоев супруги важного вельможи: «Три стены из четырех сплошь занимали окна, щедро наполняя комнату светом и воздухом, – трудно подобрать для нее более точное сравнение, чем оранжерея, ибо повсю-

ду здесь благоухали дорогие цветы. Пол устилал великолепный мягкий ковер из Смирны; потолок украшали арабески и плетеные узоры, цветные и позолоченные; два длинных дивана, затянутых желтым и голубым атласом, тянулись вдоль стен; еще один диван, маленький и низкий, стоял в простенке между окнами, откуда открывалась великолепная панорама Босфора; по ковру были разбросаны голубые шелковые подушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.